

Барсук Ирина Александровна,
преподаватель кафедры философии и
методологии науки, факультет философии и
социальных наук, Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Восточнославянская
цивилизация и ценностные
приоритеты современной
социодинамики.*

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОДИНАМИКИ

Барсук И. А.

Белорусский государственный университет

В последние годы в научной печати появляется все больше публикаций, содержание которых свидетельствует о том, что проблемы дальнейшего безопасного и устойчивого развития современного общества самым тесным образом определяется состоянием духовной культуры, ее ценностными ориентирами и приоритетами. Это обусловлено прежде всего с тем, что почти за четыре последних столетия мир человека индустриального общества оказался существенно деформированным. В нем произошла девальвация традиционных, имеющих общечеловеческий характер, духовных ценностей, а кристаллизуемые ценности «экономического человека» сводятся к материальному обогащению и потреблению, максимизации прибыли, приоритету экономики, экономическому господству и т.п. Пожалуй, именно библейское изречение «не хлебом единым жив человек» совершенно точно выражает специфику бытия человека в мире, который нуждается не только в удовлетворении материальных, но и более высоких, духовных потребностей. Иными словами понятие духовной жизни включает в себя все многообразие форм духовной деятельности, что, выражаясь языком известного французского социолога П. Бурдьё, составляет «символический капитал». Однако функцию капитала эти феномены начинают выполнять только тогда, когда реально способствуют интеграции людей в коллектив, пробуждению у них коллективного самосознания и мобилизации на достижение социально значимых целей, т.е. капиталом они становятся только тогда, когда непосредственно включены в общественно-исторический процесс и активно используются в интересах современного общества.

Одним из наиболее актуальных вопросов данной проблемы является анализ ценностных установок культуры, в совокупности которых имеет смысл вычленить социокультурные традиции. В современной

философской литературе под традицией чаще всего понимают определенные ценностные компоненты культуры, в которых аккумулирован социально-исторический опыт прошлых эпох и этапов развития той или иной социальной системы. Столь обобщенное понятие культурной традиции предполагает акцент, прежде всего, на характеристике её содержания, т.е. ценностях культуры, которые, существуя в форме групповых стереотипов, выполняют функции программирования и регулирования человеческой деятельности и поведения.

Какую же роль в процессе поиска новой системы ценностей могут сыграть традиции духовной культуры восточнославянских народов, сформированные в глубине веков богатой и порой трагической истории? Будут ли они востребованы мировой цивилизацией в условиях глобализации? При этом важно подчеркнуть, что речь идёт о целостной и исторически инвариантной системе ценностей и представлений, доминирующей на пространстве восточнославянской культурно-региональной целостности, позволяющих определенно зафиксировать специфику восточных славян в сравнении с западными и восточными культурами. В них отчетливо проявляется ориентация на приоритетность духовного освоения реальности и перенесение многих социально-исторических, политических, религиозных проблем в сферу красоты. Эта социокультурная самобытность сопряжена с осознанием сакральности земли в языческом мировоззрении, сакральности мудрости и книжного знания в христианской религиозности, собственных нравственных идеалов, наполненных историческим и социальным содержанием, необходимости государственно-территориального единства и определении путей его реализации, ориентированных на космичность и масштабность преобразований.

В эволюции духовных ценностей восточных славян важную роль сыграло создание к началу IX в. государства Русь, или, как его называют учёные, Киевская Русь. Время это способствовало «появлению и укреплению понятий единства Руси» [1, с. 133], одновременно «дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии» [2, с. 41]. Формирование духовных ценностей восточного славянства связано с принятием православно-христианской веры по византийскому обряду и оформлению «надэтнической культурной целостности православного мира» [3, с. 193]. Это отчётливо отражено уже в выдающемся произведении древнерусской философской мысли – «Слове о

Законе и Благодати» первого митрополита из русских Илариона. Эмпирически это обнаруживается в особенностях коммуникации: «русы», «русские», «русины» – «братья-православные». Поэтому в название Русь вкладывался сакральный «свет» Сияющей Мудрости и Истины Всевышнего. В качестве своеобразного аксиологического центра культуры Киевской Руси и выражением этнической идентификации восточных славян выступает идея мира. Понятие мир («мір») на Руси обозначало не что иное, как «Белый Свет» (иначе говоря, Белобог – известный персонаж славянской мифологии), который проявляется на Земле через человеческое сообщество, то есть общину. Поэтому мир – это, прежде всего, община, централизованное государство с единой властью и законами. Решающую роль в этом процессе сыграли практические интересы крестьянства, что наиболее ярко проявилось в семейной и календарной обрядности. Типичным увеселением святок – праздника, начинавшего земледельческий год, – было «ряжение», цель которого и связанных с ним игр заключалась в том, чтобы вызвать плодородие и плодovitость. Любовь природой, которая выступает как нечто совершенно самостоятельное в силу своего многообразного и красочного бытия, во всей своей конкретности и величии определило создание эстетического образа Русской земли. Именно красота как проявление Софии и Вечной Женственности призвана «спасти мир». Поэтому восточнославянская традиция возвеличивает пахаря и его труд, противопоставляя земледельца – воину, созидательный труд – завоеваниям. Предпочтение мирного сосуществования перед завоеванием, как проявление восточнославянской духовности, отличает древнерусские былины от западноевропейского героического эпоса. Идея упорядоченности, согласия воплощается на Руси в образе Святой Софии Премудрости Божьей, вещественным воплощением которого стало сооружение величественных кафедральных соборов и посвящение их Св. Софии в Киеве, Новгороде, Полоцке, Чернигове и др. городах.

Если в памятниках древнерусской литературы речь и идет о битвах, то это сражения за Русскую землю, за восстановление мира и правды. А.М. Панченко обратил внимание на то, что на Руси в качестве национальных символов «избирались не легкие, а тяжелые, жертвенные победы: подвиг и жертва неразделимы». Поэтому символами стали «вынужденные сражения», в которых «Россия защищалась, следовательно, была безусловно права», такие битвы и оказались «нравственной заслугой» народа, без чего «символ невозможен» в принципе [4, с. 201]. Отсюда принцип братолюбия и уважения провозглашается одним из основных

добродетелей государственного деятеля. В письме Олегу Святославовичу Владимир Мономах цитирует популярную на Руси выдержку из первого послания апостола Иоанна: «Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», – ложь это» [5, с. 168]. Характерной чертой этого явилась слабость в осуществлении предпринимательской деятельности, что вызывает к жизни «детское начало» и стремление обратиться к «старшему» – государству, которое взяло бы на себя функции защиты и волевой мобилизации. В контексте восточнославянской истории ценность коллективного образа жизни получила отражение в понимании государства как важнейшей организующе-регулятивной силы и гаранта стабильности общества.

Вместе с тем, в системе ценностных приоритетов восточного славянства проявились дивергентные ориентации, в результате которых сформировались равноправные и самостоятельные культуры белорусов, украинцев и русских, отражающие локальные особенности народов восточнославянского этноса. Так, противоречивость идентификационных процессов восточных славян обнаруживается уже в процессе интеграции ценностно-мировоззренческих установок языческой и христианской культур. Отсюда признание восточного славянства как единой социокультурной общности отнюдь не противоречит присутствию индивидуальных ментальных черт у русских, белорусов и украинцев. Поэтому наряду с общими духовными ценностями существуют и национальные ценности восточного славянства. Так, с конца XIII в. развитие Беларуси и Украины, с одной стороны, России – с другой, совершается в различных социально-исторических условиях, что привело к утверждению существенно отличающихся друг от друга политических систем и духовных традиций. Как отмечает В.А. Салеев, «можно утверждать, что в XV – XVI вв. на белорусских и украинских землях появляется и утверждается новый духовный субстрат, который внес принципиально новые черты в процесс формирования национальных характеров и менталитетов новых этносов, которые постепенно (а к середине XVII в. и окончательно) превращаются именно в белорусский и украинский» [6, с. 24]. При этом не стоит забывать о том, что до середины XVI в. наиболее ярким выразителем белорусской и украинской национальных культур было православие, в его специфическом белорусско-украинском варианте, чему способствовало образование православной автокефальной церкви в ВКЛ. В максимальной степени дифференциация ценностных ориентаций среди восточнославянских

народов проявилась в отношениях к социальному микрокосмосу, в специфике православной традиции, в принципе коллективизма, в различных подходах к практике природопользования.

Уже в годы общественно-экономической перестройки конца 1980 – начала 1990 гг., когда приоритет стал отдаваться индивидуализму, подчеркивавшему приоритет личностных целей и интересов, свободу индивида от общества, индивидуалистические ценности так и не смогли стать господствующими для восточнославянских народов. Возможно, это связано с тем, что в рамках нашей традиции индивидуализм не может стать доминирующим мировоззрением, поскольку противоречит основополагающим ценностям восточнославянской цивилизации, которые, вполне естественно выступают в качестве объективного основания идеологии белорусского государства. Понять специфику коллективного менталитета без формирования национальной государственности невозможно, поэтому сложно представить, например, в Беларуси модификацию западной политической системы.

Это имеет принципиальное значение также для самоопределения восточнославянского мира в целом как на региональном, так и на глобальном уровнях цивилизационной динамики, ибо, утратив жизненные ориентиры и оторвавшись от своих духовных корней, даже при условии экономического процветания, практически невозможно отстоять себя в современном мире. Выбор приоритетной стратегии дальнейшего развития выступает как цивилизационный выбор для Беларуси и связан, несомненно, с его обоснованием и осмыслением в контексте традиций и ценностей восточнославянской цивилизации.

Литература

1. Мавродин, В. В. Происхождение русского народа / В. В. Мавродин. – Л., 1978.
2. Греков, Б. Киевская Русь / Б. Греков. – М., 2004.
3. Зеленков, А. И. Экологическая ментальность восточных славян как социокультурный феномен / А. И. Зеленков // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. – М., 2004. – С. 190-198.
4. Панченко, А. М. Русская культура в канун петрофских реформ / А. М. Панченко. – Л., 1984.
5. Златоструй. Древняя Русь X-XIII вв. – М., 1990.

6. Салееў, В. А. Хрысціянства і шляхі развіцця культуры на беларускай зямлі / В. А. Салееў // Мастацтва і сучаснасць “Мастацтва”. – Мінск, 2006. – С. 19-26.